

О.М. ЛЮБИМСКАЯ

*(Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия)*

УДК 821.161.1-3(Достоевский Ф. М.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444

МОТИВ РАЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО 1860-Х – 1870-Х ГГ.

Аннотация. В статье рассматривается мотив рая в произведениях Ф.М. Достоевского («Идиот» (1873), «Кроткая» (1876), «Братья Карамазовы» (1880)). Мотив рая анализируется с точки зрения мифологической и религиозно-философских традиций. Прообразами материального рая у Достоевского выступают Эдем (ветхозаветный сад) и новозаветный Иерусалим. Духовный рай в текстах Достоевского – это рай внутренний, раскрывающийся в глубине духа (он достигается через обожение и выход из временных рамок). Интерпретация мотива рая в творчестве Достоевского направлена на раскрытие его символики (многозначности и многоплановости), что позволяет выявить глубинный смысл произведений, художественно-философскую модель мира писателя.

Ключевые слова: мотив, образ, рай, сад, город, Царствие Божие.

Как отмечает В.Н. Захаров, в литературоведении необходима «новая концепция русской литературы, которая учитывала бы ее подлинные национальные и духовные истоки и традиции» [Захаров 1994: 5-11]. Являясь одним из стержневых в творчестве Достоевского, мотив рая позволяет глубже раскрыть христианский контекст позднего творчества писателя.

Согласно С.С. Аверинцеву, в христианской литературе, иконографии и фольклоре рай мыслился тремя образами: рай как сад (ветхозаветный Эдем (Быт. 2:8-3:24)), рай как город (Небесный Иерусалим в Новом Завете (Апок. 21:2-22:5)) и рай как небеса (описания в апокрифах небесных ярусов, заселенных ангелами) [Аверинцев 1988: 363]. Этот рай предметен, он представлен в пространстве определенным материальным местом. Важно заметить, что этот рай удален от человека: его нужно достичь как награду.

Второе понимание рая (как Царствия Божия) мы находим у Н.А. Бердяева. По его мнению, Царствие Божие приходит не только в

конце времени, но и в каждом мгновении. В мгновении может быть выход из времени в вечность. Бердяев отмечает, что мы можем мыслить рай на земле, выход в вечность возможен через экстаз и созерцание Бога: «Рай и ад есть духовная жизнь человека, и они раскрываются в глубине духа. <...> Царство Божье есть достижение совершенства обожения, красоты и цельности духа, а не награда» [Бердяев 1993: 247].

В этом понимании Царствия Божия как благодати Святого духа, преображающей природу человека еще при земной жизни, Бердяев следует святоотеческой традиции, согласно которой Царствие Божие бесформенно, ощутимо только сердцем и мыслями. «Божественная благодать появляется внутри верующего человека и полностью его заполняет. Нельзя сказать, что где-то там находится Царствие Божье, его обретает и чувствует человек, уверовавший в Христа, внутри себя. Именно это говорил сам Сын Божий: «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17:20-21). В полном объеме Царствие Божие наступит после Второго Пришествия Христова» [Царство Божие (Небесное)].

Тему рая в рассказе Достоевского «Сон смешного человека» рассматривал О.А. Донских, увидевший в этом произведении образ рая-сада, а не Небесного Иерусалима, так как в нем повествуется о состоянии человечества до грехопадения. В итоге, по мнению исследователя, данное описание рая больше всего соответствует античным описаниям Золотого века, нежели библейскому представлению о рае [Донских 2006: 66].

Для понимания образа рая в романе «Идиот» (1873) ключевыми являются слова Христа о том, что «Царствие Божие внутри вас есть». Достигнуть его можно двумя путями: путем выхода из времени, прикосновения к вечности через экстаз, высшую степень восторга, а также – стяжанием духа Святого при жизни на земле и обретением мира в душе и всепрощающей любви.

Созерцание рая через экстаз мы видим в образе князя Мышкина. Свою эпилептическую болезнь он называл «священной». За несколько секунд до припадка он чувствовал высшую степень радости, гармонии, мира. Он называл это приобщением к жизни «высшего бытия», иными словами, рая: *«Он задумался, между прочим, о том, что в эпилептическом состоянии его была одна степень почти пред самым припадком (если только припадок приходил наяву), когда вдруг, среди*

грусти, душевного мрака, давления, мгновениями как бы воспламенялся его мозг и с необыкновенным порывом напрягались разом все жизненные силы его. Ощущение жизни, самосознания почти удешевлялось в эти мгновения, продолжавшиеся как молния. Ум, сердце озарялись необыкновенным светом; все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясноты, гармоничной радости и надежды, полное разума и окончательной причины» [Достоевский 1973: 187-188]. О том, что во время эпилептических припадков князь видит рай, свидетельствуют его слова о пророке Мухаммеде: *«Вероятно, – прибавил он, улыбаясь, – это та же самая секунда, в которую не успел пролиться опрокинувшийся кувшин с водой эпилептика Магомета, успевшего, однако, в ту самую секунду обозреть все жилища Аллаховы» [Достоевский 1973: 189].*

Идея того, что рай можно пережить путем прикосновения к вечности, выхода из временных рамок, выражена в словах *«В этот момент мне как-то становится понятно необычайное слово о том, что времени больше не будет...» [Достоевский 1973: 189].* В момент прикосновения к высшему бытию Мышкин ощущал остановку времени, освобождение от власти времени.

Достоевский подчеркивает, что Мышкин не сомневался в том, что во время припадков он созерцает рай и высшее бытие, значит, не сомневался в этом и сам автор, страдавший той же болезнью: *«В том же, что это действительно «красота и молитва», что это действительно «высший синтез жизни», в этом он сомневаться не мог, да и сомнений не мог допустить. Ведь не видения же какие-нибудь снились ему в этот момент, как от хашиша, опиума или вина, унижающие рассудок и искажающие душу, ненормальные и несуществующие? Об этом он здраво мог судить по окончании болезненного состояния» [Достоевский 1973: 188].*

Эти мгновения для Достоевского и князя Мышкина были прикосновением к раю: *«Мгновения эти были именно одним только необыкновенным усилением самосознания, – если бы надо было выразить это состояние одним словом, – самосознания и в то же время самоощущения в высшей степени непосредственного. Если в ту секунду, то есть в самый последний сознательный момент перед припадком, ему случалось успевать ясно и сознательно сказать себе: «Да, за этот момент можно отдать всю жизнь!», – то, конечно, этот момент сам по себе и стоил всей жизни» [Достоевский 1973: 188].*

Так раскрывается в романе идея о том, что рай есть Царствие Божие, которое внутри нас, но Достоевский мыслил рай не только как божественное состояние, которое можно достичь еще на земле. Он понимал рай и в самом классическом его представлении – как новый Иерусалим. В описании Мышкиным швейцарского пейзажа (горы, водопад), за которым ему грезился прекрасный Неаполь, мы видим намек на рай в виде города: *«У нас там водопад был, небольшой, высоко с горы падал и такую тонкую ниткой, почти перпендикулярно»; «Вот тут-то, бывало, и зовет всё куда-то, и мне всё казалось, что если пойти всё прямо, идти долго-долго и зайти вот за эту линию, за ту самую, где небо с землей встречается, то там вся и разгадка, и тотчас же новую жизнь увидишь, в тысячу раз сильнее и шумней, чем у нас; такой большой город мне всё мечтался, как Неаполь, в нем все дворцы, шум, гром, жизнь...»* [Достоевский 1973: 50-51].

Помимо рая в образе города, в романе раскрывается и рай как сад. Вся увиденная Мышкиным швейцарская природа предстает райским садом (Альпы, водопад, щебетание птиц выступают его атрибутами).

Таким образом, в романе «Идиот» мотив рая выражен следующими образами:

1. Рай как «Царствие Божие», которое раскрывается в настоящем времени внутри духа человека, – особое состояние души, осененное Божественной благодатью;
2. Рай как город (Новый Иерусалим), который согласно Новому Завету праведники обретут в Будущем Веке;
3. Рай как сад.

В рассказе «Кроткая» (1876) прослеживается мотив рая как сада, имеющий ключевое значение. На протяжении всего рассказа слово «Рай» употребляются всего два раза. Но примечательно то, что употребляются оно в финале, когда герой кардинально меняет свои убеждения и приходит к истине: *«Слепая, слепая! Мертвая, не слышит! Не знаешь ты, каким бы раем я оградил тебя. Рай был у меня в душе, я бы насадил его кругом тебя! Ну, ты бы меня не любила, – и пусть, ну что же? Всё и было бы так, всё бы и оставалось так. Рассказывала бы только мне как другу, – вот бы и радовались, и смеялись радостно, глядя друг другу в глаза. Так бы и жили. И если б и другого полюбила, – ну и пусть, пусть! Ты бы шла с ним и смеялась, а я бы смотрел с другой стороны улицы...»* [Достоевский 1982: 35].

В рассказе раскрывается сочетание внешнего и внутреннего рая. С одной стороны, рай мог быть в душе героя, а с другой стороны, этот

рай имеет видимые очертания. Герой хотел «оградить» им свою возлюбленную, «насадить» рай «кругом» нее – это закрытое пространство в виде сада, имеющего круглую форму. Эти признаки указывают на библейский образ рая как сада. Однако, по Достоевскому, для того, чтобы насадить вокруг рай, необходимо сначала обрести его в душе: *«Не знаешь ты, каким бы раем я оградил тебя. Рай был у меня в душе, я бы насадил его кругом тебя!»* [Достоевский 1982: 35]. Замечательно, что и в Священном Писании, и у Достоевского употребляется одна и та же лексема и словоформа («насадил»). Но различие в том, что в Книге Бытия глагол употреблен в реальной, утвердительной модальности, а в «Кроткой» – в сослагательной. Герой хотел бы насадить рай вокруг жены, но уже не может, так как она погибла. Время для деятельной любви прошло. Идея о том, что *«Ад – это страдание о том, что нельзя уже более любить»* будет раскрыта в романе «Братья Карамазовы» [Достоевский 1976: 292].

Насадить рай вокруг жены герой хотел во французском приморском городке Булонь. После исповеди перед женой, усмирения гордыни и предчувствия их возможного счастья герой обещает увезти ее в Булонь, чтобы начать всё сначала: *«Весь этот вечер я не отходил от нее. Я всё ей говорил, что повезу ее в Булонь купаться в море, теперь, сейчас, через две недели, что у ней такой надтреснутый голосок, я слышал давеча, что я закрою кассу, продам Добронравову, что начнется всё новое, а главное, в Булонь, в Булонь!»* [Достоевский 1982: 28]. Это подтверждает нашу мысль о том, что герой мыслил рай как сад, некий оазис, отовсюду огороженный. Новая жизнь у моря – обретение рая (его атрибуты – теплый южный климат, море, горы, виноградник).

Еще до встречи с Кроткой герой мечтал уехать от людей и суеты к морю, в небольшой поселок для тихой, спокойной жизни. Для этого он открыл кассу ссуд, стал ростовщиком: *«Да, я имел право захотеть себя тогда обеспечить и открыть эту кассу: «Вы отвергли меня, вы, люди то есть, вы прогнали меня с презрительным молчанием. На мой страстный порыв к вам вы ответили мне обидой на всю мою жизнь. Теперь я, стало быть, вправе был оградиться от вас стеной, собрать эти тридцать тысяч рублей и окончить жизнь где-нибудь в Крыму, на Южном берегу, в горах и виноградниках, в своем имени, купленном на эти тридцать тысяч, а главное, вдали от всех вас, но без злобы на вас, с идеалом в душе, с любимой у сердца женщиной, с семьей, если Бог пошлет, и – помогая окрестным поселянам»* [Достоевский 1982:

16]. Когда у него появилась любимая женщина, он хочет забрать ее туда, подарить ей это маленькое счастье: *«Главное, тут эта поездка в Булонь. Я почему-то всё думал, что Булонь – это всё, что в Булони что-то заключается окончательно. В Булонь, в Булонь!.. Я с безумием ждал утра»* [Достоевский 1982: 29].

Рай есть способность любить, любить деятельно (эта мысль позднее раскроется в романе «Братья Карамазовы»), чего герой «Кроткой» уже не может сделать. Отстукивающий время маятник напоминает ему, что он теперь в аду: *«Стучит маятник бесчувственно, противно. Два часа ночи. Ботиночки ее стоят у кровати, точно ждут ее... Нет, серьезно, когда ее завтра унесут, что ж я буду?»* [Достоевский 1982: 35]. В этом эпизоде стучащий маятник является символом потерянного рая, атрибутом ада.

Божия красота, рай проявляется на земле через природу. В романе «Братья Карамазовы» (1880) Достоевский видит в природе неомраченное грехом состояние жизни, где всё по замыслу Божьему: *«небо ясное, воздух чистый, травка нежная, птички, природа прекрасная и безгрешная»*, – вот определение, которое дает природе юный, но уже открывший свой ум и сердце новым духовным знаниям, Зосима. Мы здесь также отчетливо видим, что мотив рая как сада тесно связан с мотивом рая как Царствия Божия, которое раскрывается внутри человеческого духа. И при желании человек может обрести этот рай на земле: *«...и не понимаем, что жизнь есть рай, ибо стоит только нам захотеть понять, и тотчас же он настанет во всей красоте своей, обнимемся мы и заплачем...»* [Достоевский 1976: 263].

Так, в одном коротком монологе молодого Зосимы, обращенном к господам на дуэли с целью примирения, мы можем наблюдать, как два отличных друг от друга образа рая (как сада и как Царствия Божия) составляют одно целое. Как и в «Кроткой», здесь Достоевский утверждает, что для того, чтобы обрести рай материальный (сад), сначала его необходимо открыть в своей душе.

Рай как сад проявляется в земной природе, но, по Достоевскому, мы можем увидеть его, обречем дар созерцать Божию славу на земле только тогда, когда очистимся духовно (через покаяние).

Образ рая как сада проступает в размышлениях умирающего Маркела, старшего брата Зосимы. В пространство сада, которое Маркел видит из своего окна, входит «весь мир тварный» (птички, деревья, луга, небеса). Он назван Божьей славою, то есть Божьим творением, садом, который «насадил Бог» (Быт. 2:8). И только человек является носителем греха, говорит Достоевский через Зосиму:

«...природа прекрасная и безгрешная, а мы, только мы одни безбожные и глупые...». И здесь же Маркел приглашает всех близких в сад как место, полное счастья, любви и радости: *«Милые мои, чего мы ссоримся, друг пред другом хвалимся, один на другом обиды помним: прямо в сад пойдем и станем гулять и резвиться, друг друга любить и восхвалять, и целовать, и жизнь нашу благословлять»* [Достоевский 1976: 263]. Образ рая-сада присутствует и в монастырском скиту Зосимы, где разбиты прекрасные цветники: *««Посмотрите-ка, вскричал он (Федор Павлович) вдруг, шагнув за ограду скита, – посмотрите, в какой они долине роз проживают!» Действительно, хоть роз теперь и не было, но было множество редких и прекрасных осенних цветов везде, где только можно было их насадить. Лелеяла их, видимо, опытная рука. Цветники устроены были в оградах церквей и между могил. Домик, в котором находилась келья старца, деревянный, одноэтажный, с галереей перед входом, был тоже обсажен цветами»* [Достоевский 1976: 35].

Мотив рая как сада в «Братьях Карамазовых» ярче всего представлен в главе «Кана Галилейская», в которой недавно бунтующий Алеша обретает душевный мир, освобождается от прежних беспокойных мыслей, выходит из монастыря с переполненным любовью сердцем, с душевным восторгом, а природа вокруг служит видимым знаком обретенного рая, духовного возрождения. Свою духовную жажду герой утоляет в слиянии с природой, в ее райской красоте и гармонии он обретает полное счастье: *«Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел, и вдруг, как подкошенный, повергся на землю»* [Достоевский 1976: 328].

Образы природы в этом описании выступают атрибутами рая. В созерцании совершенного, не поврежденного грехом творения Алеша переживает полную гармонию. Так, рай, зародившийся в душе Алеши, помогает обрести рай видимый (рай как сад).

Мысль о том, что «Царствие Божие внутри нас есть» раскрывается в поведении таинственного посетителя молодого Зосимы Михаила. В их диалоге мы видим, что рай находится не в будущем, не в прошлом, а вне времени, он раскрывается в глубине духа и

достигнуть его можно уже здесь, на земле. Четырнадцать лет Михаил жил, как в аду, поскольку его совесть была не чиста. Он убил человека, но об этом преступлении никто не знал. Михаил полагал, что если он признается в своем преступлении, то совесть его успокоится, он сможет любить, то есть для него наступит рай. Он говорил Зосиме при первых встречах: *«Что жизнь есть рай, об этом я давно уже думаю. Только об этом и думаю»*; *«Я больше вашего в этом, говорит, убежден, потом узнаете почему»*; *«Рай, в каждом из нас затаен, вот он теперь и во мне кроется, и, захочу, завтра же настанет он для меня в самом деле и уже на всю мою жизнь»* [Достоевский 1976: 275]. Михаил считал, что не имеет права любить, ласкать своих детей: *«Знаю, что наступит рай для меня, тотчас же и наступит, как объявлю. Четырнадцать лет был во аде. Пострадать хочу. Приму страдание и жить начну. Не правдой свет пройдешь, да назад не воротиться. Теперь не только ближнего моего, но и детей моих любить не смею»* [Достоевский 1976: 280]. После того, как он признался людям в своем преступлении, он сразу пережил в своей душе рай: *«Бог сжалился надо мной и зовет к себе. Знаю, что умираю, но радость чувствую и мир после стольких лет впервые. Разом ощутил в душе моей рай, только лишь исполнил, что надо было»* [Достоевский 1976: 283].

Подобным образом понимает рай и брат старца Зосимы Маркел. Находясь на пороге смерти, он открывает для себя удивительную мысль, что стоит лишь захотеть и рай тут же настанет: *«Мама, не плачь, жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра же и стал бы на всем свете рай»* [Достоевский 1976: 262].

Мотив рая как Царствия Божия в романе передается от одного героя к другому. Сначала эта мысль зарождается в умирающем Маркеле, от которого ее узнает Зосима; Михаил слышит эти мысли от молодого Зосимы, и именно они заставляют Михаила сблизиться с Зосимой и решиться на публичное признание в преступлении. По Достоевскому, каждое сказанное слово оседает в душе человека семенем, которое потом (и часто неожиданно) приносит свои плоды. Таким образом, слова умирающего Маркела принесли плоды в сердце Зосимы и Михаила и помогли им обрести рай в душе.

Мотив рая как антитеза аду дан в «Беседах и поучениях» Зосимы: *«Отцы и учителя, мысля: «Что есть ад?» Рассуждаю так: «Страдание о том, что нельзя уже более любить». Раз, в бесконечном бытии, неизмеримом ни временем, ни пространством,*

дана была некоему духовному существу, появлением его на земле, способностью сказать себе: «Я емь и я люблю». Раз, только раз, дано было ему мгновение любви деятельной, живой, а для того дана была земная жизнь, а с нею времена и сроки, и что же: отвергло сие счастливое существо дар бесценный, не оценило его, не возлюбило, взглянуло насмешливо и осталось бесчувственным» [Достоевский 1976: 292]. Ад представляется Достоевскому как невозможность любить. Если ад для писателя – состояние духовное, а не материальное, то и рай тоже.

Таким образом, в романе «Братья Карамазовы» мотив рая прослеживается по трем линиям:

1. Рай как сад, который мы видим в проявлении Божией славы в природе (Божии птички, ясное небо, чистый воздух, прекрасные цветы, нежная травка, животные, которым Бог дал начало мысли и радость безмятежную), которая прекрасна и безгрешна.

2. Рай как Царствие Божие, которое раскрывается внутри человека путем стяжания Святого Духа на земле (признания себя грешником, покаяния и обретения душевного мира и радости).

3. Рай как антитеза аду. В «Рассуждении мистическом» ад – это отсутствие рая. Рай есть награда за деятельную любовь, совершенную на земле, в то время как ад – невозможность более любить, страдание из-за упущенной возможности проявить при жизни любовь в действии.

Итак, в произведениях Достоевского 1860-х – 1870-х гг. («Идиот», «Кроткая», «Братья Карамазовы») рай мыслится писателем в двух направлениях: как материальный (его архетипами выступают Эдем и Новый Иерусалим) и духовный (обожение), внешний и внутренний. Интерпретация мотива рая Достоевского в контексте христианской традиции раскрывает его богатую религиозно-философскую символику, выражающую духовный опыт писателя и его художественно-философскую модель мира.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С.С. Рай // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. – М., 1988. – Т. 2. – С. 363–366.

Бердяев Н.А. Рай. По ту сторону добра и зла // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М., 1993. – С. 245–249.

Донских О.А. Странный рай Достоевского. – Новосибирск, 2006. – 77 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т.8. – Л.: Наука, 1973.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т.14. – Л.: Наука, 1976.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т.24. – Л.: Наука, 1982.

Захаров В.Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX вв. – Петрозаводск, 1994.

Царство Божие (Небесное) [Электронный ресурс] // Азбука Веры. Православное общество. URL: http://azbyka.ru/dictionary/22/tsarstvo_bozhie-all.shtml (дата обращения: 02.09.2015).

Статья рекомендована к.ф.н., доц. А.А. Медведевым